

МОРАЛЬ. ПОЛИТИКА. ОБЩЕСТВО

И.И. Мюрберг

К ПРОБЛЕМЕ САМООБОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

Мюрберг Ирина Игоревна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: irina.myrborg@gmail.com

Одной из черт интеллектуальной атмосферы наших дней является проблематизация понятия «политическая философия». В статье излагается точка зрения, согласно которой главным вызовом для данной дисциплины было появление в Европе середины XX в. социально-политической философии неклассического типа и позже – становление социально-эпистемологического способа философского вопрошания о политическом измерении *Lebenswelt*. Политико-философский ответ на ситуацию заключался в (1) отходе от традиционной для Модерна парадигмы «философии политики», в рамках которой политическая мысль де-факто была частью истории философии, (2) необходимости ответить на вопрос о том, что из теоретико-методологических традиций Просвещения необходимо оставить в прошлом в связи с появлением аналитической философии. Реакцией на эти затруднения стало опубликование в первой трети XX в. концепции автономии «политического» К. Шмитта. Настаивая на автономном характере политического мышления, Шмитт подчеркивал дисциплинарную обособленность современного политического философствования, несводимость его к историко-философскому теоретико-методологическому инструментарию и одновременно отделял «политическое» от «политики» (последний термин обозначает в данном контексте предмет изучения той совокупности научных дисциплин, которую теперь называют «политологией»). Указанные дистинкции рассматриваются в статье на примере дискурса, развернувшегося вокруг категориальной оппозиции: *structure vs agency*; утверждается, что анализируемое столкновение мнений обусловлено критическим отношением к «аналитике» как методу и тяготением к неклассической эпистемологии в проблемном поле политической мысли. Политическая философия, принимающая введенный социальной эпистемологией тезис о первичности *Lebenswelt* по отношению к научной установке, делает социальную эпистемологию сферой собственного приоритетного интереса. Это позволяет ей показать величину эпистемического разрыва между ипостасями политической теории, вынуждающего политическую науку и политическую философию «говорить на разных языках». Статья завершается перечислением тех проблемных полей, развитие которых возможно исключительно в политико-философском ключе.

Ключевые слова: политическая философия, политическая наука, социальная эпистемология, «естественная установка», автономия «политического»

«Существует ли еще политическая теория?»¹

В конце 1970-х гг. прошлого века Исайя Берлин – мыслитель, для которого политическая теория (в отличие от политической науки, социологии и прочих, по его выражению, «эмпирических занятий») была в первую очередь философией, – выступил с утверждением, что эта философия не может развиваться вне связи с вечными вопросами («что есть в жизни людей специфически человеческого, а что таковым не является и почему»). Также не может политическая философия не искать ответа на более конкретные вопросы, как то: «продолжаем ли мы нуждаться <...> в таких категориях, как, например, цель, групповая принадлежность или право» и т. п.² Вопрос о статусе современной политической философии, вынесенный в заглавие эпохальной статьи Берлина, во многом отражал идейные искания самого мыслителя: ему, оксфордскому профессору, довелось многие годы работать в атмосфере становления британской аналитической школы, восхождения ее к роли лидера нового, динамично развивающегося теоретико-философского направления. Постоянное общение с корифеями аналитической школы расширило и усложнило представления Берлина о перспективах дальнейшего развития философии. Сомнения в жизнеспособности политической философии и сегодня не сняты с философской повестки дня, хотя за последние десятилетия они были по-новому тематизированы. Нельзя не отметить, что характер этой тематизации, ее преобладающий вектор неизменно свидетельствуют об общем расширении сферы влияния аналитической философии. С позиций оппонировавшей стороны подобное можно было бы описать в терминах поглощения «аналитикой» традиционных философских подходов. Вместе с тем одновременно с ростом аналитической школы новые тенденции коснулись и самой традиционной философии; здесь для нашей темы особый интерес представляет возникшая на стыке XX–XXI вв. дистинкция «политическая философия» – «философия политики». Первый из двух терминов (если говорить об отечественной философской традиции) проникает в русскоязычную литературу непосредственно из британской философии, в которой понятием *political philosophy* с начала Нового времени охватывались все возможные виды теоретической рефлексии по поводу «политического бытия человека» или, что в принципе то же самое, «бытия *политического человека*». На континентальную философию британский подход начал оказывать влияние значительно раньше, чем на русскую; более того, в начале постклассического периода (1930-е гг.) термин «*political philosophy*» получает в западной политической мысли новое содержание и в этом смысле становится общеевропейским. Особое внимание было привлечено в те годы к статье К. Шмитта «Понятие политического»³. Инициированный этой работой идейно-методологический поворот на протяжении всего XX в. в известной степени расходился с незабываемостью марксистско-ленинских «канонов» русскоязычных текстов: именно неизменность философской позиции, присущая советскому периоду нашей интеллектуальной истории, предопределила господствующее положение в ней «философии политики» и теоретическую невосприимчивость последней к «политической философии». Забегая вперед, отметим, что данный выбор никогда не был исключительно ритуальным жестом; демон-

¹ *Berlin I. Does Political Theory Still Exist? // Berlin I. Concepts & Categories: Philosophical Essays. 2nd ed. Princeton, 2013. P. 143–172.*

² *Ibid.* P. 157.

³ См.: *Шмитт К. Понятие политического // Вопр. социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 37–67.*

стрируя собственную дисциплинарную зависимость от истории философии, «философия политики» культивировала в качестве методологически приоритетной дедукцию – процедуру *выведения частного* (политических идей) *из общего* (социально-философских категорий). Такой тип междисциплинарного соподчинения охарактеризован И.Т. Касавиным как типичный для *классической* эпистемологии, на которую, в свою очередь, формообразующее влияние оказала позитивистская и сциентистская идеология: «...согласно последней, перенос понятий и методов должен происходить из более развитых в менее развитые науки»⁴.

Верность этой традиционной установке продолжает создавать для сегодняшних отечественных исследователей немалые трудности в плане рецепции идей политической философии современного Запада: размышления о принципиальном отличии политической философии от философии политики во многом воспринимаются как нечто непонятное и чуждое.

Методологическая развилка

Как видно из вышесказанного, в различении *философия политики* – *политическая философия* решающую роль играет изначальная методологическая позиция. Сегодняшний исследователь сталкивается с трудностью выбора первого шага: сознательно подчинить политико-философское исследование «общим» философским установкам и приоритетам (такowymi, как правило, оказываются когнитивные установки истории философии) либо последовать принципу автономии «политического», позволяющему выделить в общем предметном поле особую дисциплинарную сферу с собственными опорными понятиями, собственной проблематикой и методологией.

Примечательно, что к этой же методологической развилке приводит изучение взаимоотношений, сложившихся между историей философии и социальной/исторической эпистемологией. К началу нового века направление этих взаимоотношений успешно оформилось в самостоятельное направление исследований⁵. К сожалению, в русскоязычной литературе освещение данной темы с позиций истории философии происходит достаточно редко. Тем ценнее для нас комментарии признанных специалистов, встречающиеся в таких работах, как статья Н.В. Мотрошиловой «“Социальная эпистемология”: новые проблемы, дискуссии и дихотомии»⁶. Защищая историко-философскую традицию и ее когнитивный вклад, автор статьи справедливо отмечает, что критика этой традиции со стороны социальной эпистемологии нередко оборачивается попытками демонтажа гносеологической традиции в целом. В подобных случаях главным объектом критики становится «индивидуалистическая» сущность историко-философской когнитивистики. «Индивидуализм» как определение позиций всех представителей классической эпистемологии становится своего рода термином-обвинением – он заслоняет исследователю множество «посторонних обсуждаемому делу, не подразу-

⁴ Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 7. № 1. С. 11.

⁵ См., напр.: Gävertsson F. Philosophy of History in the Analytic Tradition. URL: http://www.fil.lu.se/media/utbildning/dokument/kurser/FPRK01/20131/Philosophy_of_history_in_the_analytic_tradition.pdf (дата обращения: 05.08.2016). Сокращенный перевод этой статьи публикуется в журнале «История философии» (2017. Т. 22. № 1. С. 78–91) под заголовком «Философия истории в аналитической традиции».

⁶ Мотрошилова Н.В. «Социальная эпистемология»: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // Ценности и смыслы. 2011. Вып. 5(14). С. 5–31.

меваемых самими эпистемологами смысловых коннотаций и ассоциаций». По мнению Мотрошиловой, подобного рода коллизии разрешаются через осознание того, что «оба дисциплинарных подхода – гносеологии (эпистемологии) и социально-исторических концепций, в число которых входит социальная эпистемология, – по природе своей могут и должны быть не дихотомически противостоящими, а взаимодополнительными»⁷. С этим пожеланием трудно не согласиться – но только в принципе; ибо приведенный тут же пример взаимодополнения⁸, к сожалению, не оправдывает ожиданий, т. к. не выходит за рамки традиционного (классического) гносеологического опыта; и это заставляет обратиться к альтернативной позиции. Последняя интересна своими утверждениями о методологической *несоизмеримости* гносеологического и историко-эпистемологического подходов, констатацией факта их взаимного обособления.

Признаки такого обособления можно усмотреть в следующем суждении: «...когда гносеология сосредотачивается именно на индивидуальном субъекте и утверждает, что возведение в ранг “субъектов”, “агентов” познания каких-то других “единиц” (социальных групп, народов, общества как такового) может иметь разве что условный, так сказать, виртуальный характер и не может отменить факт центрирования реальных процессов познания вокруг действительных индивидов, – то гносеолог, по моему мнению, поступает правильно в теоретическом и методологическом отношении»⁹. Противопоставляя «виртуальному субъекту» субъект реальный, Н.В. Мотрошилова отстаивает сохранение за понятием субъекта той центральной, предметобразующей роли, которая по праву принадлежала ему в классической европейской философии. На фоне классического субъекта такой неологизм, как «коллективный субъект», действительно может показаться теоретически легковесным (и контекстуально зависимым) понятием, относящимся к своему философскому предшественнику как частное к общему. Но философская мысль, возвращенная таким образом в русло проблемы культурных универсалий, не оставляет нам надежд на то, чтобы включить в круг своих предметов тему автономии «политического» и сопряженные с ней актуальные сюжеты политической теории.

«Жизненный мир» и автономизация

Судя по всему, тезис об автономии «политического» не случайно возник именно в первой трети XX века и именно в работах немецкого политического мыслителя – для философии Германии этот период во многом был эпохой Э. Гуссерля, а конец 1920-х гг. совпал с поворотом гуссерлианской феноменологии к понятию «жизненного мира» (*Lebenswelt*). Соответственно, у сегодняшних исследователей можно встретить определение шмиттовского

⁷ Мотрошилова Н.В. «Социальная эпистемология»: новые проблемы, дискуссии и дихотомии. С. 13, 15.

⁸ «В традиционных гносеологических учениях, – пишет Мотрошилова, – их создатели концентрировались в основном <...> на исследованиях познавательных действий индивидуальных субъектов, рассмотренных в их всеобщих характеристиках, “как бы” независимых от конкретных социально-исторических реалий. При этом “редукция” именно в гносеологии данных пластов социальных взаимодействий тоже была по-своему оправдана, ибо и такие всеобщие черты существовали и существуют, и известная независимость субъектов познания, скажем, ученых, от некоторых конкретных социально-исторических реалий тоже является фактом» (там же. С. 15).

⁹ Там же.

образа мысли как «феноменологического»¹⁰. Однако в этом предполагаемом идейном заимствовании непосредственной аналогии с гуссерлианством не наблюдается; да и сам этот идейный параллелизм стал заметен лишь в наше время, когда термин «феноменология» вместе с основными понятиями этой дисциплины начали использовать в отношении весьма широкого спектра философских направлений. Возникшее таким образом многообразие смысловых нюансов представляется значимым, в том числе в перспективе поиска возможных сопряжений центрального для нас тезиса об автономии «политического» с разными трактовками понятия «жизненный мир».

Этот вопрос находит оригинальное освещение в контексте исследования И.Т. Касавиным философских оснований социальной эпистемологии. Говоря о классической феноменологии, Касавин подчеркивает, что к отходу от ее классических (гуссерлевских) позиций и развитию сегодняшних представлений о жизненном мире философию подталкивало некое качество, присущее представлениям самого основателя феноменологии: гуссерлевский жизненный мир «представлял собой исходные, непроблематичные и взаимосвязанные структуры сознания, характеризующиеся целостностью и стабильностью»¹¹. Но тот же *Lebenswelt*, понимаемый как «сфера повседневности», уже во времена Гуссерля комментировался как некая (впрочем, также не слишком проблематичная) новация. Впоследствии, однако, выявилось скрытое напряжение между результатами эмпирических исследований историков, социологов, культурологов и видением, характерным для классической феноменологии. Поэтому уже у А. Шюца, хотя и он был отнюдь не свободен от влияния классической феноменологии, мы находим принципиально иные акценты: для Шюца жизненный мир сплетен из многослойных сетей интересубъективной коммуникации, а ограничивающая любую коммуникацию конкретика пространства и времени есть для него не внешний ограничитель общения, а его существенная составляющая. Благодаря этому понятие жизненного мира/повседневности обретает статус междисциплинарной гуманитарной методологии, в контексте которой новое значение обретает автономизация. Так, если предшествующий (гуссерлианский) взгляд на *Lebenswelt* располагал к тому, чтобы оценивать всякое находящееся в нем автономное образование как нечто нерелевантное, подлежащее «очищению» (подобным же образом работал архетип очищения психики в психоаналитической теории З. Фрейда), то, например, автономизация «политического» у Шмитта примерно с середины XX в. становится для специалистов знаменем важных эпистемологических подвижек – и не только в методологии политического знания, но, как следствие, и в самом жизненном мире, его политической ипостаси. Как пишет по этому поводу Ю.О. Шейко, «...меняется сама парадигма понимания политической сферы общества <...> это изменение отражает не только развитие теории, но и трансформацию самой социальной действительности. Вкратце происходящее можно охарактеризовать через один из его главных аспектов: утрату автономии политикой и обретение автономии политическим»¹².

Следует отметить, что автономизация объектов жизненного мира обозначила определенный прорыв в эпистемологии, будучи тесно связана с историческим подходом. Так, «С. Тулмин, Т. Кун, П. Фейерабенд, Дж. Холтон,

¹⁰ См., напр.: *Neumann V. Der Staat im Bürgerkrieg: Kontinuität und Wandlung des Staatsbegriffs in der politischen Theorie Carl Schmitts.* Frankfurt a/M., 1980. S. 9–10; *Гаранов Е.Н.* Государственно-правовая теория К. Шмитта: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 24.

¹¹ *Касавин И.Т.* Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008. С. 302.

¹² *Sheiko J.O.* From the autonomy of the politics to the autonomy of the political // *Magisterium.* 2014. Вып. 58. С. 15.

К. Хьюбнер, В.С. Степин и ряд других философов науки <...> обнаружили, что наиболее достойным и многообещающим предметом эпистемологического исследования являются *не отдельные категории* (опыт, рассудок, разум, восприятие, понятие, суждение, умозаключение и т. п.), но лишь *исторические целостности*, являющиеся квинтэссенциями конкретных познавательных ситуаций – традиции, темы, парадигмы, исторические ансамбли, основания науки. Этим решаются некоторые якобы тупиковые проблемы»¹³. Так, дилемма экстернализма-интернализма, неразрешимая в терминах истории науки, находит свое разрешение в социально-исторической эпистемологии как вполне здравое (common-sense) стремление «провести различие между внутренней и внешней философской проблематикой. Внутрифилософские проблемы, например, имеют, как правило, низкую степень актуальности для всех тех, кто не вовлечен в процесс философского исследования или образования. Их предметом является положение дел в самой философии. Внешнефилософские проблемы, напротив, часто неинтересны для большого круга философов. Они в большей степени привлекают внимание “человека с улицы” (А. Шюц), стремящегося осмыслить политические, религиозные, обыденные ситуации»¹⁴.

Можно продолжить это направление мысли: неклассической философии знакомы ситуации, когда вопросы, близкие и понятные именно «людям с улицы», будучи перенесены в область теоретического знания, служили импульсом к созданию новых философских направлений. Таков генезис концепта «политическое». Несмотря на то, что первый повод к его появлению дала философия К. Шмитта, реальным творцом этого понятия следует считать развивающийся социально-исторический контекст. Смыслообразующая (а для шмиттовского «политического» – базисная) дистинкция «свой-чужой», «друг-враг», оттолкнувшая в свое время от Шмитта представителей политической теории (скажем больше: подобное содержание и сегодня вызывает моральное неприятие), не могла быть просто преданной забвению в условиях XX в. По прошествии десятилетий она вновь начала привлекать внимание аналитиков, но уже не лежащим на поверхности «внешнефилософским», событийным смыслом – не тем, что в ней непосредственно утверждалось и было понятно любому из современников Шмитта, – а новым, прежде неизвестным очевидцам и не использованным исследователями *способом осмысления* политического бытия. Только перейдя от «что?» к «как?», вопрошания от лица политической теории достигли релевантности в отношении методологической (внутрифилософской) части шмиттовского наследия. Вероятно, это был один из тех нередких для истории мысли эпизодов, когда новые подходы дремлют, дожидаясь, пока значительный массив философской рефлексии не подтянется к их уровню.

Как *post factum* прояснили последние десятилетия XX в., идея «политического», его автономии возникала не на пустом месте. Желая увидеть ее зарождение, необходимо рассмотреть более раннюю интеллектуальную ситуацию конца XIX – начала XX вв. Уже в философии Г. Зиммеля (в роли «философствующего диагноста времени с социологическим уклоном»¹⁵)

¹³ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. С. 285–286.

¹⁴ Там же. С. 375.

¹⁵ Хабермас Ю. Зиммель как диагност времени // *Зиммель Г. Избранное*: в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 540. Ср. с характеристикой Зиммеля как «мыслителя, давшего десятки блестящих идей, которые, однако, были оставлены им в разрозненном состоянии, без какого-либо связующего аналитического размышления» (*Kaern M. Introduction One: Simmel as a Puzzling Figure // Georg Simmel and Contemporary Sociology. Dordrecht; Boston; L., 1990. P. 7.*)

общество как объект научного познания, безусловно, выступает как самостоятельная сфера бытия. Но признание факта такой автономии было в определенном смысле равнозначно капитуляции просвещенческого разума с его претензиями на освоение мира явлений. «Единству человека с человеком, которое заключается в понимании, любви, совместном труде, – этому единству, – пишет Зиммель, – вообще нет аналогии в пространственном мире, где каждая сущность занимает свое, неделимое с другими пространство. Вместе с тем фрагменты пространственного бытия сходятся в сознании созерцателя в некое единство, опять-таки недостижимое для совокупности индивидов. Благодаря тому, что предметы синтеза здесь – самостоятельные сущности, душевные центры, персональные единства, они противятся абсолютному схождению в душе иного субъекта, коему должны повиноваться “лишенные самости” неодоушевленные вещи <...> Совсем в ином смысле, нежели внешний мир, общество есть “мое представление”, т. е. основано на активности сознания. Ибо другая душа для меня столь же реальна, как я сам, и наделена той реальностью, которая весьма отличается от реальности какой-нибудь материальной вещи»¹⁶.

Политическая философия XX в. заимствует у зиммелевского нелинейного конгломерата идей и представлений эвристический импульс к *переоткрытию* когнитивных миров человека и общества. Тем самым она обрекает себя на десятилетия интеллектуальных скитаний – занятие, совершенно не свойственное политической мысли эпохи классического Модерна, эпохи системосозидателей, желающих строить «на века». Но, возможно, главной отличительной чертой этой новой политической теории, ее главным открытием, обусловившим появление упомянутых «автономий», было ощущение скоротечности эпох – типично постклассическое умонастроение, не замедлившее сказаться на отношении интеллектуалов к системосозидателям. Как писал в 1921 г. Дж. Сантаяна, «одной из особенностей сегодняшнего спекулятивного мышления является то, что оно способно опровергать те или иные идеи вследствие простой перемены в настроении, отвергать, не приводя каких бы то ни было новых доказательств и не выдвигая новых доводов. В наши дни не обязательно опровергать предшественника, порой достаточно мило распрощаться с ним»¹⁷. По мере того как теоретический разум переставал восприниматься в качестве одного из источников общественной добродетели, изменения претерпели также некоторые правила исследовательской этики. Непредвиденным следствием произошедшего стала, с одной стороны, известная релятивизация теоретических истин (так, в политическую теорию вошел историзм как сознание принадлежности систем знания конкретным эпохам); с другой стороны, во внутринаучном/внутрифилософском контексте усиливалось признание роли индивидуального познавательного усилия – вплоть до его институционализации в научном процессе.

К вопросу о строении жизненного мира: структура (институты) vs *agency*

Исследователи политической теории единодушны в том, что примерно с середины прошлого века западная политическая мысль (в особенности ее англосаксонская ветвь) переживала упадок и главной причиной тому было

¹⁶ Зиммель Г. Как возможно общество // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 511.

¹⁷ Сантаяна Дж. Характер и мировоззрение американцев. М., 2003. С. 17.

усиливавшееся давление на нее со стороны аналитической философии. Последняя систематически подвергала критике любые теории, допускающие наличие в своем составе нормативных суждений: философы-аналитики всегда были непреклонны в том, что суждения этого типа, будучи бессмысленными с научной точки зрения, лишают теорию в целом когнитивного содержания. На этом фоне континентальная политическая философия указанного периода, находившаяся вне сферы влияния философской аналитики, чувствовала себя гораздо лучше: она развивала неомарксистские политические концепции, занималась рефлексией по поводу майских студенческих волнений 1968 г. в Париже и т. д. Кроме того, ряд видных европейских политических философов (К. Поппер, Х. Арндт, Э. Фёгелин, Л. Штраус и другие), эмигрировавших во время Второй мировой войны в США, всколыхнули своими идеями заокеанскую часть англосаксонского мира. Однако к концу столетия политическая теория практически всех стран Запада подверглась распаду на взаимно непримиримые фракции: традиционную *философию* политики и политическую *науку*, культивирующую статистические методы, бихевиоризм и другие подчеркнута нефилософские исследовательские техники и подходы.

Одним из следствий образовавшегося жесткого противостояния было оттеснение политической философии от центра текущего теоретического дискурса. Причина утраты политической философией центрального положения представляется довольно очевидной: разделяя критические установки истории философии, отстаивающей в этом споре сохранение традиционных философских ценностей, политическая философия в то же время сознательно дистанцируется от этой традиционной философской дисциплины. Ее собственный концептуальный язык отражает не только историко-философские, но и существенно иные теоретико-познавательные приоритеты. Расхождения с историко-философскими установками во многом определяются для нее спецификой выбора *предметной области* исследования. Так, в терминах уже упоминавшейся нами дилеммы *экстернализм vs интернализм* современная политическая философия, несмотря на ее глубокий интерес к исторической эволюции философских концепций, выпадает из историко-философского ряда как дисциплина, неизменно уделяющая большое внимание кластеру проблем, обозначенному И.Т. Касавиным как «внешняя философская проблематика». В этой предметной области она (так же, как история философии – в своей) выступает критиком сциентистских теоретико-методологических установок.

Таким образом, ситуация, сложившаяся в политической мысли конца XX в., по большому счету, во многом аналогична той, которую описывал Гуссерль в 1935 г. в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология»¹⁸: одной из причин кризиса названа довлеющая над теоретическим знанием форма «математического объективизма». Исследовав вопрос о генезисе данной формы, Гуссерль пришел к выводу, что идеальные предметы, которыми оперируют точные науки, ведут свое происхождение от предметов донаучного мира. Совокупность таких предметов впоследствии, благодаря А. Шюцу, получила наименование *естественной установки в повседневном мире*. «Обыденное знание как повседневное и общее для любого субъекта познания, в том числе и для ученого, – комментируют понятие Шюца сегодняшние исследователи феноменологической социологии, – всегда предпослано научной работе и является необходимой основой и исходным

¹⁸ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. М., 2013.

пунктом для исследования и анализа жизненного мира»¹⁹. Таким образом, *естественная установка* Шюца работала на преодоление характерных для Нового времени когнитивных практик этизации разума, благодаря которым признание разумным чего бы то ни было, в т. ч. социальных институций и процессов, автоматически вело к признанию этих институтов и процессов также и морально благими. Такие практики весьма благоприятствовали внедрению форм «математического объективизма» в официальные процедуры оценки общества, его функционирования. Поэтому в классическом Модерне переворачивание объективной причинно-следственной связи (направление от «естественной установки к научной») было заменено на противоположное: наука, ее познавательные установки стали, в понимании мыслителей Просвещения, образцом для повседневных познавательных практик, их недостижимым идеалом, их «истиной»), в той мере, в какой оно являлось исторически свершившимся *фактом*, неизбежно вело к искажению познания «повседневного мира», к обеднению представлений о нем как анализируемом объекте.

Сказанное в общих чертах выражает суть критического «послания» социальной эпистемологии, адресованного ею наукам об обществе. Что же касается непосредственно политического знания, то в период опубликования концепций Э. Гуссерля и А. Шюца оно еще не было готово к творческой рецепции общефилософского смысла послания. На этом фоне примерно в последней трети прошлого века в полную силу развернулся процесс ассимиляции политической наукой привнесенной из социологии категориальной пары: *structure – agency*. Сегодня этот понятийный тандем практически претендует на роль междисциплинарной исследовательской парадигмы, которая с успехом вытесняет из социальной теории и из философии политики ориентацию на традиционные философские категории. Каков же теоретический смысл этой оппозиции?

Структура как более изученная сторона анализируемой дистинкции представляет собой разработанную в социологии с разных сторон концепцию, с теоретической презентацией которой выступали в свое время многие известные социологи. Так, П. Бурдьё работал с понятием структуры в большей части своих опубликованных исследований. Принадлежащая ему концепция структуры очевидным образом направлена на преодоление доставшейся в наследство от прошлого «теории познания с позиции наблюдателя». Такое понимание теории познания демонстрирует, по мнению французского мыслителя, некий атавизм – «схоластический эпистемоцентризм», – перенесенный в современность из раннего Модерна. «Проецируя теоретическое мышление на умы действующих агентов (*acting agents*), – пишет он, – исследователь представляет мир таким, каким его мыслит он сам (т. е. как объект размышления, репрезентации, как зрелище), как если бы мир был именно таков, каким он явлен людям, не располагающим свободным временем или не желающим отстраниться от него и поразмыслить. В основание их практик, т. е. в “сознание” агентов действия исследователь закладывает свои собственные – спонтанные, либо продуманные – репрезентации или, что еще хуже, некие модели, с помощью которых он намеревается дать объяснение этих практик, порой расходящееся с его собственным наивным опытом»²⁰. На самом же деле такой теоретик ничуть не меньше, чем практик, отстранен от реальности, для которой практика является неизменным атрибутом. Тео-

¹⁹ *Albersmeyer-Bingen H.M.* Common sense. Ein Beitrag zur Wissenssoziologie. Bonn, 1985. S. 162–163 (цит. по: *Касавин И.Т.* Текст. Дискурс. Контекст. С. 299).

²⁰ *Bourdieu P.* Pascalian Meditations. Stanford, 2000. P. 51.

рия Бурдые преследовала цель возвращения в социальную мысль агента *действия* (вместо рефлексирующего субъекта). Его идеи, вращающиеся вокруг понятия человеческой практики, реализуются в первую очередь в развитии им концепций «социальных полей», «габитуса», «символического насилия», «символического капитала» и др. Эти концепции, их эпистемическая функция посредников между *structure* и *agency* предполагает интернализацию «внешнего» и экстернализацию «внутреннего». Но из этих встречных процессов фактически только первый получает у Бурдые заметную теоретическую разработку; это позволяет критикам Бурдые утверждать, что его позиция отмечена выраженной склонностью к детерминистическим толкованиям явлений социальной сферы. Олицетворяемой Бурдые тенденции противостоят теории, акцентирующие активистскую сторону социальной жизни. Здесь наиболее известен Р. Унгер, последовательно критикующий разнообразные (в т. ч. описанные у Бурдые) виды символического насилия: эти последние, согласно Унгеру, объективно не обладают приписываемой им всепринуждающей силой, т. к. представляют собой не более, чем следствия действующих в любом обществе привычек, стереотипов (ср. с *габитусом* у Бурдые). «Воздействие стереотипных ролей на человеческие отношения часто бывает наиболее сильным там, где как никогда слаба политика институционального обновления (*institutional reinvention*)», – пишет Унгер в своем известном исследовании о «ложной необходимости»²¹.

Подходы Бурдые и Унгера можно представить в виде полюсов существующих трактовок теоретической оппозиции *structure* – *agency*. В качестве автора компромиссной позиции в этом споре наиболее известен Э. Гидденс²². Разработанная им теория *структуриации* решает задачу преодоления дуализма этих понятий путем преобразования понятия дуализма в теорию *дуальности* структуры: последняя интерпретируется Гидденсом одновременно как *сфера*, в рамках которой протекает социальная деятельность, и как *результат* этой деятельности. Тем самым он очищает термин *agency* от присущих ему традиционно-философских коннотаций (ср. с понятиями субъекта/субъектности) и усиливает его связь с эмпирическим уровнем рассмотрения. Как и следует ожидать, такой способ разрешения проблемы усугубляет внутреннюю рассогласованность термина *agency*, его когерентность как второго члена анализируемой оппозиции. Это, впрочем, не должно слишком волновать последователей теории структуриации: осуществленное Гидденсом методологическое размывание дуализма *structure* – *agency* позволяет ему поставить на передний план некую проблему, теоретическую значимость которой готовы признать даже представители сегодняшней политической науки – и в первую очередь они. По мнению одного из комментаторов, элементы оппозиции *structure* – *agency* анализируются Гидденсом не как «отдельные, противостоящие друг другу объекты внешнего мира», а как «всего лишь две стороны одной монеты. Взглянув на социальные практики с одной стороны, мы видим деятелей и деятельность; взглянув на них с другой стороны, мы видим структуры»²³. Однако, по мнению другого комментатора, произведенное Гидденсом устранение дуалистического видения проблемы сразу же вызывает несоответствие традиции «методологического индивидуализма». Последняя, напомним, возникает в связи с тем, что «центральное место в науках об

²¹ Unger R. False Necessity: Anti-Necessitarian Social Theory in the Service of Radical Democracy. Vol. 1: Politics: A Work In Constructive Social Theory. L.; N. Y., 2004. P. 11.

²² См.: Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуриации. М., 2005.

²³ Craib I. Anthony Giddens. L., 1992. P. 3–4.

обществе принадлежит исследованию соотношения между индивидуумами и структурами»²⁴. Между тем превращение Гидденсом дуализма «деятели» и «структуры» в стороны единого процесса подразумевает контекстуальную замену фигуры индивидуального агента деятельности деятелем коллективным (*collective/shared agent/agency*) со всеми вытекающими из этого мировоззренческими последствиями.

Современная политическая философия как метатеоретическая рефлексия: философский смысл и практические применения

Главным из затруднений, преследующих указанную трансформацию, представляется то, что ни социальные, ни любые другие конкретные науки как таковые не способны к созданию концептуально-методологического ресурса/потенциала, достаточного для формирования некоего целостного видения (интуиции), без которого немислим переход к новой научной парадигме. Такого рода культурно-интеллектуальными ресурсами в принципе могут обладать отдельно взятые личности, формулирующие новые проблемы, и это обладание делает их философами – независимо от их институционально-образовательного статуса. Здесь следует вновь обратиться к исследованию И.Т. Касавина, его размышлениям по поводу понятия «проблема», разработанного Б.С. Грязновым: «В науке, – пишет Касавин, – проблемы не *формулируются*, а, скорее, *реконструируются* по уже готовому знанию: “реконструкция проблемы – это способ понимания теории”²⁵, понимания, приходящего вслед за знанием: «...научная проблема является результатом особого рода познавательной деятельности, имея в виду историко-научную рефлексия, или реконструкцию. Она отличается, однако, от философской рефлексии. Как только мы выходим за пределы науки в область философии, мы получаем возможность ставить, формулировать и переформулировать проблемы, в том числе и такие, для которых пока не существует решения, или такие, решение которых (в конкретно-научном или практическом смысле) вообще невозможно»²⁶.

Такая трактовка понятия проблемы позволяет заключить, что в отношении любого кластера наук философия призвана выполнять функцию метатеоретической рефлексии, постольку поскольку «не существует научных, религиозных, политических и обыденных проблем как таковых; их создает подключение к данным областям общеметодологической, теологической, политологической или философской рефлексии»²⁷. Рассматривая характер дискурса, развернувшегося вокруг дистинкции *structure vs agency*, мы стремились показать, что он не в последнюю очередь обязан критическому отношению к аналитической философии и формированию в проблемном поле политической мысли осознанного или стихийного тяготения к неклассической эпистемологии, опирающейся на опыт социальных наук. В целом, говоря о социальных науках, следует признать, что их зависимость от философской рефлексии наиболее изучена как зависимость продуцируемой ими «высокой» теории от историко-философской рефлексии. В этом смыс-

²⁴ Hodgson G. Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // Organization Studies. Jan. 2007. 28(1). URL: https://www.researchgate.net/publication/227351276_Institutions_and_Individuals_Interaction_and_Evolution/ (дата обращения: 11.05.2017).

²⁵ Грязнов Б.С. Логика. Рациональность. Творчество. М., 1982. С. 118.

²⁶ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. С. 372–373.

²⁷ Там же. С. 374–375.

ле именно история философии продолжает выполнять *интегрирующую* функцию для различных направлений социально-гуманитарного познания. Разумеется, и политическая философия не может оставаться незатронутой этим всеобъединяющим процессом; вместе с тем ее дисциплинарная приверженность идее *автономии* «политического» и сопряженная с этой идеей ориентация на «внешнюю» философскую проблематику свидетельствуют о стремлении политической теории позиционировать себя в альтернативном дискурсивном пространстве. Разделяя введенный социальной эпистемологией тезис о первичности *Lebenswelt* по отношению к научной установке, эта философия осознанно обозначает повседневность как сферу собственного приоритетного интереса. Причины этого интереса с афористичной ясностью изложены политическим философом Б.К. Капустиним: «Политика – слишком сильное средство, чтобы к нему прибегали из-за безделицы или по какой-то причуде. К политике не прибегают, если проблема такова, что разрешима столь *невинными* способами, как обмен или рациональная дискуссия». Капустин так же, как и Касавин, считает, что на уровне философии (конкретно, политической философии) рефлексия имеет своим объектом неразрешимые проблемы. При этом он полагает, что *научно-теоретическое* (ср. с введенной Касавиным дистинкцией внутренней и внешней философской проблематики)²⁸ разрешение таких проблем возможно; однако «*действительная* динамика этих проблем другая, чем законосообразное движение теоретической мысли (курсив мой. – И.М.)».

Так понимаемая политическая философия по определению не может «стоять на службе» у политической науки, политологии: у них разные предназначения и объекты изучения. Это обуславливает методологическую целесообразность различения «большой» и «малой» политик, из которых вторая в принципе не занимается метатеоретической рефлексией и не имеет отношения к социальной эпистемологии, т. к. представляет собой широко практикуемую сегодня «политику малых дел» – стратегию, сознательно ограничивающуюся эмпирическим уровнем формулирования и разрешения политических «проблем» (на деле же в таком контексте речь может идти не о *проблемах*, а исключительно о *задачах* разного масштаба). Существующий, таким образом, эпистемический разрыв между двумя ипостасями современной политики настолько серьезен, что заставляет политическую науку и политическую философию буквально «говорить на разных языках»: многое из того, что является простым и очевидным для эмпириков, оказывается темным, проблемным для философов, и наоборот. «Такие слова, как “государство”, “республика”, “общество”, “класс” и, далее, “суверенитет”, “правовое государство”, “абсолютизм”, “диктатура”, “план”, “нейтральное государство” или “тотальное государство” и т. д., – писал К. Шмитт, – непонятны, если неизвестно, кто *in konkreto* должен быть поражен, побежден, подвергнут отрицанию и опровергнут посредством именно такого слова»²⁹. Профессионально-теоретический лексикон политологии, представляющийся самой политической науке прозрачным и несомненным в своей истинности, становится «собранием заблуждений», едва перейдя из области научного знания в сферу политико-философских понятий. Парадоксально, что при этом отечественный политолог (в отличие от отечественного же политического философа) зачастую даже не ощущает случившегося перехода и отвечает на появившиеся проблемы критикой авторов, допускающих подобную «путаницу». Иными

²⁸ См. выше, сноска 14.

²⁹ Шмитт К. Понятие политического. С. 44.

словами, факт различия теоретических языков политической философии и политической науки, к сожалению, слишком часто остается незамеченным в отечественной политологии³⁰, что объясняет частые обвинения авторов политико-философских публикаций в утверждении ими «брутального», если не вовсе человеконенавистнического, взгляда на мир политики и человеческое общество в целом.

Отмеченная концептуально-методологическая бесструктурность отечественных занятий политической теорией, вероятно, должна была бы больше всего мешать развитию именно политико-философского дисциплинарного кластера как наиболее абстрагированного от тем и забот текущей политики. Однако, вопреки опасениям, недавний всплеск интереса к теме революции (у нас в стране он произошел значительно раньше «юбилейного» 2017 года) продемонстрировал тенденцию к развитию метатеоретической рефлексии, зреющую в умах значительного числа исследователей политики и «политического»³¹. Более того, чрезвычайное разнообразие подходов и идей, явленное в публикациях по теме революции, свидетельствует о существовании своего рода «отложенного спроса» на исследования политико-философского жанра. И это несмотря на то, что с такими исследованиями относительно не просто выходить на сегодняшний российский «рынок идей»: на нем все еще преобладают политологические публикации, сосредоточенные, как представляется, на задаче примитивно понимаемого обслуживания потребностей политических элит.

В контексте чрезмерного внимания политической теории к научному видению проблем политики современная политическая философия берет на себя функцию критики сциентистской ограниченности политологии как научной дисциплины, выступает в отношении нее неким культурно-мировоззренческим противовесом (отсюда особый интерес к развитию теории политики как *истории* политической философии). В начале XXI в. главным предметом познавательных усилий истории политической философии становится аспект подвижности сферы «политического» как внутри ее самой (диахронический аспект), так и вовне (подготовленная «столкновением цивилизаций» смена социально-политических формаций и т. п.). За интересом к этим сюжетам скрывается (если говорить языком социальной эпистемологии) стремление политической философии к реализации задачи перехода от одной *проблемной конфигурации* к другой. В числе прочих проблемных полей, доступных для изучения именно в политико-философском ключе, можно упомянуть о равновеликой по значению – сопряженной с моральной проблематикой – теме идейно-практической эволюции политической свободы, ее генезиса, исторического развития и сегодняшнего состояния. И наконец, в качестве наиболее релевантной эволюционирующему проблемному каркасу политики начала XXI в. хочется выделить проблему, обозначившуюся на стыке XX и XXI вв., **но до сих пор не тематизированную, – проблему кризиса** в современном обществе *индивидуалистической морали* и порожденных ею институтов. О том, что данная проблема находится в стадии начальных

³⁰ Это «незамечание» разноравности подходов нередко находит подтверждение в резонансных административно-организационных решениях. Так, в 2017 г. полномочия по приему к защите диссертаций по специальности «политическая философия» были переданы от философского факультета МГУ факультету политологии.

³¹ Отметим наиболее философичные обращения отечественных авторов к теме современной революции: *Магун А.В.* Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб., 2008; *Капустин Б.Г.* О предмете и употреблении понятия «революция» // *Капустин Б.Г.* Критика политической философии. Избр. эссе. М., 2010. С. 118–172.

разработок, говорит растущее число сциентистских обращений к теме индивидуализма, которые, с одной стороны, фиксируют множественные эпизоды нефункциональности индивидуализма в политике наших дней, а с другой, пытаются разрабатывать тему коллективизма как потенциальной альтернативы индивидуализму (в том числе *методологическому*³²). В этой связи задачу политической философии как критики имеющегося в этой области эмпирического задела можно представить в терминах демонтажа спонтанно воспроизводимой позитивистами «маятникообразной» модели движения политической теории (от «исторического» коллективизма к индивидуализму и обратно). Данному этапу развития общества, его социально-политическим принципам и эпистемологическим установкам более адекватен вывод о происходящем сейчас формировании качественно нового состояния общества – назовем его *постиндивидуализмом*.

Список литературы

- Вебер М.* История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Пер. с нем. под ред. И.М. Гревса. Пг.: Наука и школа, 1923. 240 с.
- Гаранов Е.Н.* Государственно-правовая теория К. Шмитта: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 25 с.
- Гидденс Э.* Устроение общества. Очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. Тюриной. М.: Акад. проект, 2005. 525 с.
- Говетсон Ф.* Философия истории в аналитической традиции / Пер. с англ. И. Мюрберг // История философии. 2017. Т. 22. № 1. С. 78–91.
- Грязнов Б.С.* Логика. Рациональность. Творчество. М.: Едиториал УРСС, 1982. 258 с.
- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. с нем. Д. Кузницына. М.: Наука, 2013. 496 с.
- Зиммель Г.* Как возможно общество / Пер. с нем. А. Филиппова // *Зиммель Г.* Избранное: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 1996. С. 509–526.
- Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике. М.: КДУ; МГУ, 2004. 495 с.
- Капустин Б.Г.* О предмете и употреблении понятия «революция» // *Капустин Б.Г.* Критика политической философии. Избр. эссе. М.: Территория будущего, 2010. С. 118–172.
- Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: понятие и проблемы // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2006. Т. 7. № 1. С. 5–15.
- Касавин И.Т.* Текст, дискурс, контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 542 с.
- Магун А.В.* Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2008. 412 с.
- Мотрошилова Н.В.* «Социальная эпистемология»: новые проблемы, дискуссии и дихотомии // *Ценности и смыслы.* 2011. Вып. 5(14). С. 5–31.
- Сантьяна Дж.* Характер и мировоззрение американцев / Пер. с англ. И. Мюрберг. М.: Идея-Пресс, 2003. 176 с.
- Хабермас Ю.* Зиммель как диагност времени / Пер. с нем. М. Левиной // *Зиммель Г.* Избранное: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 1996. С. 538–549.
- Шмитт К.* Понятие политического / Пер. с нем. А. Филиппова // *Вопр. социологии.* 1992. Т. 1. № 1. С. 37–67.

³² Принцип методологического индивидуализма впервые был применен М. Вебером в работе «История хозяйства»; он выражался в требовании объяснения любых социальных явлений в терминах осуществления намерений конкретных людей – намерений, которые, в свою очередь, проистекают из интенциональных состояний этих людей, служащих индивидуальными мотивациями для их действий.

Albersmeyer-Bingen H.M. Common sense. Ein Beitrag zur Wissenssoziologie. Bonn: Duncker & Humblot, 1985. 270 S.

Badiou A. L'être et l'événement. P.: Éditions du Seuil, 1988. 561 p.

Berlin I. Does Political Theory Still Exist? // *Berlin I.* Concepts and Categories: Philosophical Essays. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2013. P. 187–225.

Bourdieu P. Pascalian Meditations / Trans. by R. Nice. Stanford: SUP. 2000. 256 p.

Craib I. Anthony Giddens. L.: Routledge, 1992. 224 p.

Gåvertsson F. Philosophy of History in the Analytic Tradition. URL: http://www.fil.lu.se/media/utbildning/dokument/kurser/FPRK01/20131/Philosophy_of_history_in_the_analytic_tradition.pdf (дата обращения: 05.08.2016).

Hodgson G. Institutions and Individuals: Interaction and Evolution // Organization Studies. Jan. 2007. 28(1). URL: https://www.researchgate.net/publication/227351276_Institutions_and_Individuals_Interaction_and_Evolution/ (дата обращения: 11.05.2017).

Kaern M. Introduction One: Simmel as a Puzzling Figure // Georg Simmel and Contemporary Sociology / Ed. by M. Kaern, B.S. Phillips and R.S. Cohen. Dordrecht; Boston; L.: Kluwer Academic Publishers, 1990. P. 1–8.

Neumann V. Der Staat im Bürgerkrieg: Kontinuität und Wandlung des Staatsbegriffs in der politischen Theorie Carl Schmitts. Frankfurt a/M.: Campus, 1980. 253 S.

Sheiko J.O. From the autonomy of the politics to the autonomy of the political // Марический. 2014. Вып. 58. С. 15–20.

Unger R. False Necessity: Anti-Necessitarian Social Theory in the Service of Radical Democracy. Vol. 1: Politics: A Work In Constructive Social Theory. L.; N. Y.: Verso, 2004. 661 pp.

Toward the problem of self-justification of political philosophy from the standpoint of social epistemology

Irina I. Myrberg

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: irina.myrberg@gmail.com

One prominent feature of contemporary intellectual climate is the current problematization of political philosophy (PPh). The author contends that the main challenge to this discipline came from the emergence of non-classical political thought in 20th century Europe, followed by the appearance of socio-epistemological (SE) type of philosophical reasoning about the meaning of the 'the political' in *Lebenswelt*. This **challenge had important consequences**: (1) the rejection of the traditional paradigm of the 'philosophy of politics' (PhP) which remained dominant throughout the Modern Age when political thinking remained a *de facto* part of the history of philosophy (HPh); (2) the emergence of analytical philosophy that left PPh wondering which of the methodological traditions of the Enlightenment were to be discarded. The publication of Carl Schmitt's theory of the 'autonomy of the political' can be viewed as a 20th century response to these difficulties. Schmitt's insistence on the autonomous nature of the political highlights the self-standing nature of the present-day political thinking as a discipline, its irreducibility to HPh with its academic tools, while drawing clear distinction between 'the political' and 'politics', the latter term signifying the sum of *scientific* disciplines known today as 'political science'. The author proceeds to illustrate the said distinctions with the help of the example of contemporary debates on the opposing categories of 'structure' and 'agency'. It can be demonstrated that conflicting opinions in this debate are conditioned by the critical attitude toward analytical philosophy persistent in PPh, and, on the other hand, by its drift to non-classical SE. By sharing the SE thesis on the priority of *Lebenswelt* as against the 'scientific' attitude, PPh makes SE its own prime concern. This allows PPh to expose, among other things, the epistemic gap between the facets of political theory and leads to the conclusion that political science and PPh 'speak different languages'. Hence, among today's topics, there are those which can *only* be addressed within the problem field of PPh.

Keywords: political philosophy, political science, social epistemology, "natural attitude", autonomy of the political

References

- Albersmeyer-Bingen, H. M. *Common sense. Ein Beitrag zur Wissenssoziologie*. Bonn: Duncker & Humblot, 1985. 270 S.
- Badiou, A. *L'être et l'événement*. Paris: Éditions du Seuil, 1988. 561 pp.
- Berlin, I. "Does Political Theory Still Exist?", in: I. Berlin, *Concepts and Categories: Philosophical Essays*, 2nd ed. Princeton: Princeton University Press, 2013, pp. 187–225.
- Bourdieu, P. *Pascalian Meditations*, trans. by R. Nice. Stanford: SUP, 2000. 256 pp.
- Craib, I. *Anthony Giddens*. London: Routledge, 1992. 224 pp.
- Garanov, E. N. *Gosudarstvenno-pravovaya teoriya K. Shmitta. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidatayuridicheskikh nauk* [Schmitt's Legal State Theory. The Abstract of the Thesis for a Scientific Degree Competition for Candidate of Law Scientific Degree]. Krasnodar, 2007. 25 pp. (In Russian)
- Gåvertsson, F. "Philosophy of History in the Analytic Tradition" [http://www.fil.lu.se/media/utbildning/dokument/kurser/FPRK01/20131/Philosophy_of_history_in_the_analytic_tradition.pdf, accessed on 05.08.2016].
- Gåvertsson, F. "Filosofiya istorii v analiticheskoi traditsii" [Philosophy of History in the Analytic Tradition], trans. by I. Myurberg, *Istoriya filosofii*, 2017, Vol. 22, No. 1, pp. 78–91. (In Russian)
- Giddens, A. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration], trans. by I. Tyurina. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2005. 525 pp. (In Russian)
- Gryaznov, B. S. *Logika. Ratsional'nost'. Tvorchestvo* [Logic. Rationality. Creativity]. Moscow: URSS Publ., 1982. 258 pp. (In Russian)
- Gusserl, E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology], trans. by D. Kuznitsyn. Moscow: Nauka Publ., 2013. 496 pp. (In Russian)
- Habermas, J. "Zimmel' kak diagnost vremeni" [Simmel as a Diagnostician of Time], trans. by M. Levina, in: G. Simmel, *Izbrannoe* [Selected Works], Vol. 2. Moscow: Yurist Publ., 1996, pp. 538–549. (In Russian)
- Hodgson, G. "Institutions and Individuals: Interaction and Evolution", *Organization Studies*, Jan. 2007, 28(1) [https://www.researchgate.net/publication/227351276_Institutions_and_Individuals_Interaction_and_Evolution/, accessed on 11.05.2017].
- Kaern, M. "Introduction One: Simmel as a Puzzling Figure", *Georg Simmel and Contemporary Sociology*, ed. by M. Kaern, B.S. Phillips and R.S. Cohen. Dordrecht; Boston; London: Kluwer Academic Publishers, 1990, pp. 1–8.
- Kapustin, B. G. *Moral'nyi vybor v politike* [Moral Choice in Politics]. Moscow: KDU Publ.; Moscow St. Univ. Publ., 2004. 495 pp. (In Russian)
- Kapustin, B. G. "O predmete i upotrebleniyakh ponyatiya 'revolyutsiya'" [On the Subject and Usage of the Notion 'Revolution'], in: B.G. Kapustin, *Kritika politicheskoi filosofii. Izbrannye esse* [Critique of Political Philosophy. Selected Essays]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2010, pp. 118–172. (In Russian)
- Kasavin, I. T. "Sotsial'naya epistemologiya: ponyatie i problem" [Social Epistemology: the Notion and the Problems], *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2006, Vol. 7, No. 1, pp. 5–15. (In Russian)
- Kasavin, I. T. *Tekst, diskurs, kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text, Discourse, Context. Introduction to Social Epistemology of Language]. Moscow: Kanon+ Publ., 2008. 542 pp. (In Russian)
- Magun, A. V. *Otritsatel'naya revolyutsiya: k dekonstruktsii politicheskogo sub"ekta* [Negative Revolution: Towards Deconstructing Political Subject]. St.Petersburg: European University at St. Petersburg Publ., 2008. 412 pp. (In Russian)

Motroshilova, N. V. “‘Sotsial’naya epistemologiya’: novye problemy, diskussii i dikhotomii” [‘Social Epistemology’: New Problems, Discussions and Dichotomies], *Tsennosti i smysly*, 2011, Vol. 5(14), pp. 5–31. (In Russian)

Neumann, V. *Der Staat im Bürgerkrieg; Kontinuität und Wandlung des Staatsbegriffs in der politischen Theorie Carl Schmitts*. Frankfurt am Main: Campus, 1980. 253 S.

Santayana, G. *Kharakter i mirovozzrenie amerikantsev* [Character and Outlook of Americans], trans. by I. Myurberg. Moscow: Ideya-Press, 2003. 176 pp. (In Russian)

Sheiko, J. O. “From the autonomy of the politics to the autonomy of the political”, *Magisterium*, 2014, Vol. 58, pp. 15–20.

Simmel, G. “Kak vozmozhno obshchestvo” [How is Society Possible], trans. by A. Filippov, in: G. Simmel, *Izbrannoe* [Selected Works], Vol. 2. Moscow: Yurist Publ., 1996, pp. 509–526. (In Russian)

Schmitt, K. “Ponyatie politicheskogo” [Concept of the Political], trans. by A. Filippov, *Voprosy sotsiologii*, 1992, No. 1, pp. 37–67. (In Russian)

Unger, R. *False Necessity: Anti-Necessitarian Social Theory in the Service of Radical Democracy*, Vol. 1: Politics: A Work In Constructive Social Theory. London; New York: Verso, 2004. 661 pp.

Weber, M. *Istoriya khozyaistva: Ocherk vseobshchei sotsial’noi i ekonomicheskoi istorii* [History of economy: Sketch of general social and economic history], trans. from German, ed. by prof. I.M. Grevs. Petrograd: Nauka i shkola Publ., 1923. 240 pp. (In Russian)